
И. КАНТ О ТЕОРЕТИЧЕСКОМ И ПРАКТИЧЕСКОМ ВИДАХ ПОЗНАНИЯ

Г.В. Болдыгин

Кафедра философии
Гуманитарный университет
Студенческая ул., 19, Екатеринбург, Россия, 620049

Статья посвящена исследованию понятий Канта *теоретическое* и *практическое познание*, с противопоставления которых начался так называемый *критический* период его творчества, а также познавательных проблем, стоящих за этим противопоставлением.

Ключевые слова: философия И. Канта, теоретическое познание, практическое познание, критический идеализм, критика чистого разума, критика практического разума, критика способности суждения, метафизика нравов, счастье, прагматические императивы.

Кантовская философия существует уже более 200 лет, и, кажется, не осталось ни одного ее понятия, ни одного термина, которые не изучены в той или иной степени. Каждое новое поколение читателей открывает в них новые смыслы, которые не были замечены их предшественниками, занятыми проблемами своего времени и искавшими в текстах Канта либо подтверждения правильности собственных воззрений, либо доказательства ошибочности противоположных.

В непрекращающейся полемике по поводу кантовских идей одни понятия (например, *вещь в себе*) постоянно находятся в центре внимания (1), другие — на его периферии. О них помнят, их привлекают для раскрытия воззрений Канта, но предметами споров они не становятся, может быть потому, что их объем и содержание представляются очевидными, не требующими каких-либо дополнительных пояснений.

Иногда подобная очевидность бывает обманчивой, а за знакомыми словами скрываются незнакомые значения, непонятые нами понятия и неизвестная либо давно забытая проблематика, которая при ближайшем рассмотрении ничуть не потеряла своей актуальности.

К подобным терминам как раз и относятся словосочетания *теоретическое познание* (*theoretische Erkenntnis*) и *практическое познание* (*praktische Erkenntnis*). Причем второе из-за нечастого использования его Кантом и, возможно, из-за неясности его значений далеко не всегда включается издателями кантовских произведений в предметные указатели, а если и включается, то нередко объединяется в одной рубрике с другими схожими или близкими по значению терминами (2).

Между тем его роль в становлении и развитии *критического идеализма* весьма велика.

Кант 21 февраля 1772 г. в письме М. Герцу сообщает о замысле «предложить критику чистого разума, которая рассматривает природу и теоретического, и практического познания, поскольку оно есть чисто интеллектуальное. Сначала, — продолжает он, — я составлю первую часть этой критики, содержащую источники метафизики, ее метод и границы, а потом уже — чистые принципы морали. Что

касается первой части, то я издам ее в течение трех ближайших месяцев» (3). Однако, как это нередко бывает, первоначальный замысел Канта в процессе его осуществления значительно изменился.

Грандиозное сочинение под названием «Границы чувственности и разума», первым разделом которого в качестве *феноменологии* и *пропедевтики* мыслилась как раз *критика чистого разума* (3), так и не вышло в свет.

Предполагаемый же раздел превратился в самостоятельное произведение, которое было опубликовано не по частям, а целиком и уже под именем собственным — «Критика чистого разума», но не через 3 месяца, а спустя 9 лет, в 1781 г.

Многое из того, что Кант планировал изложить в неизданной книге, вошло в эту *Критику*. Однако многое не вошло: ряд проблем с течением времени перестал его волновать и к их обсуждению он больше никогда не возвращался; перед ним вставали новые вопросы, требовавшие незамедлительного ответа и отодвигавшие на лучшие времена решение прежних (4). До ответа на некоторые из них у него так и не дошли руки (5).

Как бы то ни было, но в первом издании *Критики чистого разума*, работу над которой Кант оборвал сугубо волевым решением (6), поскольку она, подобно «камню на дороге» [1. С. 115], мешала его метафизическим построениям (7), и которая помимо колоссальных усилий по выработке нового понятийного аппарата потребовала еще и трудоемкого изобретения новых терминов (8), повергавших в «шок» его современников (9) (заметим, их потомков — тоже), словосочетание *практическое познание* встречается всего лишь один раз, и, как становится ясно из последующего текста, этот термин употребляется в качестве синонима *практического употребления разума* [2. С. 813].

Видимо, за 9 лет работы над первой *Критикой* Кант переосмыслил и переформулировал ряд проблем, одним из результатов чего стала замена термина *практическое познание* словосочетаниями *практическое употребление* (*Gebrauch*) или *применение* (*Anwendung*) (10) *разума*, ставшими обычными и в этом издании, и в позднейших его произведениях.

Не так уж сложно реконструировать и мотивы смены терминологии: поскольку *моральный закон* (главный, по Канту, предмет практического интереса) *внутри нас*, постольку *разум* в его *практическом употреблении* не *расширяет* и не приобретает новое знание (т.е. не познает), а лишь *приводит* людей к *абсолютной необходимости* этого закона [2. С. 273].

Присутствие же словосочетания *практическое познание* в издании 1781 г. можно трактовать как оплошку, вызванную спешкой при подготовке рукописи к публикации, как рудимент незрелого первоначального замысла с соответствующей ему незрелой терминологией. С ней в подготовительных материалах к *Критике чистого разума* Кант обращался весьма и весьма вольно, по выражению Кассирера, «с истинно суверенным равнодушием» (11).

Однако словосочетание *практическое познание* не исчезло окончательно из кантовского словаря. После первого издания первой *Критики* мы встречаем его и в *Основоположении к метафизике нравов*, и в *Критике практического разума* [3. С. 47, 289], и в *Предисловии* ко второму изданию первой *Критики* [3. С. 11,

23], что вряд ли можно объяснить невнимательностью их автора или одним только его стремлением избежать стилистической монотонности. Видимо, этот термин был ему нужен, он нес какие-то значения или их нюансы, непередаваемые словосочетаниями *практическое употребление* или *применение разума*.

Впрочем, для фактического отсутствия в первом издании *Критики чистого разума* термина, важнейшего для начала работы над ней, есть и второе объяснение: из-за непомерно разросшейся первой *Критики*, посвященной в основном *теоретическому познанию*, для *практического познания* (*практического употребления разума*) уже не осталось места, и Кант перенес его подробное рассмотрение во вторую *Критику*. В предисловии к первому изданию *Критики способности суждения* Кант недвусмысленно говорит, что в «первой критике» исследуется «разум только в его теоретическом употреблении», что в ней еще «не имелось в виду подвергнуть исследованию способность его как практического разума» [3. С. 69].

После издания в 1788 г. *Критики практического разума*, где впервые появляется термин *теоретический разум* (12), многие исследователи кантовской философии стали называть «Критику чистого разума» *Критикой теоретического разума*. Повод для такого переименования дал однажды сам Кант в так называемом *Первом Введении в Критику способности суждения*, правда, отвергнутом им и опубликованном первый раз через 110 лет после его смерти.

«Критика чистого *теоретического разума*, — говорится в нем, — которая была посвящена источникам (*den Quellen gewidmet war*) всякого априорного познания, выявила законы *природы*, критика *практического разума* — закон *свободы...*» (13).

Словосочетания *критика чистого теоретического разума* в переработанном *Введении* уже нет, а в *Первом* оно было использовано один только раз.

Однако Кант все же не решился (да он и не собирался) переименовывать первую *Критику* в *Критику теоретического разума*, так как не считал *теоретический, спекулятивный, практический разум* самостоятельными познавательными способностями. Он использовал термины, соответствующие трем *разумам*, как метафоры, как краткие аналоги более объемных формулировок — *теоретическое употребление/применение разума, практическое употребление/применение разума, спекулятивное употребление/применение разума*, которые отчетливо подчеркивают, что *разум* как особая познавательная способность наряду с *чувственностью* и *рассудком* — единственен (14). «...Мы имеем дело с одним и тем же разумом, который различается только в своем применении (*in der Anwendung*)», — писал он в *Основоположении к метафизике нравов*, повторял в *Критике практического разума* и в той же *Критике способности суждения*.

Оставим в стороне вопрос о допустимости использования без специальных оговорок таких кантовских метафор, как *теоретический разум, спекулятивный разум и практический разум* кем-либо еще помимо их автора, а остановимся на приведенном выше утверждении из *Предисловия* к третьей *Критике*, что первая посвящена исключительно лишь *теоретическому употреблению разума*.

Есть веские основания, позволяющие в этом пункте поспорить с самим Кантом.

В главе *Канон чистого разума*, без каких-либо изменений перешедшей из первого во второе издание первой *Критики*, Кант писал: «...Этот канон будет касаться не спекулятивного, а *практического употребления разума*, к исследованию которого мы теперь и приступаем». И далее почти 60 страниц из 900 посвящены различиям *теоретического* и *практического* употребления разума, основывающихся на них понятий *природы* и *свободы*, императивов, морально-практических истоков постулатов *свободы*, *бессмертия души*, *существования бога*, предметов и методов *метафизики природы* и *метафизики нравов*.

В *Основоположении* и в *Критике практического разума*, и даже в *Критике способности суждения* поднято не так уж много действительно новых проблем, которые уже не обсуждались бы, пусть и в сжатом виде в *Критике чистого разума*.

Конечно, 60 страниц — это непропорционально малый объем сравнительно с тем, какой достался *теоретическому познанию*. Тем не менее, вместе с другими местами в *Критике чистого разума*, где встречаются рассуждения о специфике *практического* употребления разума, — это не так уж и мало для вывода о следовании Канта первоначальному замыслу — рассмотрению обоих видов познания в одной работе.

Здесь же, в *Каноне*, 2 раза встречается и термин *практический разум*. Однако «чтобы между первой критикой и систематически разработанной этикой (*метафизикой нравов* — Г.Б.) вставить еще и вторую критику, в первом издании *Критики чистого разума* не было и речи», — писал авторитетнейший исследователь кантовских текстов Р. Мальтер [5. С. 9]. Термин *критика практического разума* появляется впервые только в предисловии к *Основоположению*, в котором «еще ничего не говорится о соответствующем ему произведении» [5. С. 11].

Впрочем, идея *критики практического разума* возникла у Канта как раз в процессе работы над *Основоположением*. Он даже планировал назвать эту работу *Критикой чистого практического разума*, но по соображениям творческого порядка отказался от этого «наименования» (15), чтобы не задерживать публикацию *Метафизики нравов*, изданной, правда, лишь через 12 лет.

При подготовке второго издания первой *Критики* Кант посчитал преодоленными все трудности, связанные с разработкой *критики чистого практического разума*, и решил включить ее в состав *Критики чистого разума*, может быть, для того, чтобы во исполнение самого первого замысла сгладить диспропорцию в освещении *теоретического* и *практического* видов познания.

Совершенно неожиданно для всех посвященных в издательские планы Канта *Критика практического разума* под давлением вызревавшего замысла написания и издания *Критики вкуса* (будущей *Критики способности суждения*) стала самостоятельным произведением. Вот что писал об этом Р. Мальтер: «...Кант... весьма поздно решился... выпустить „Критику практического разума“ отдельной книгой. Об этом свидетельствует намерение включить данный трактат в качестве дополнения во второе издание „Критики чистого разума“, — так оно формулируется... в извещении об этом издании... во „Всеобщей литературной газете“ 21 ноября 1786 г. Весной 1787 года издание увидело свет — без *Критики практического разума*. Однако уже в июле 1787 г. последняя была почти готова к печати. Первый

ее экземпляр Кант держал в канун Рождества. Как явствует из письма Канта Рейнгольду от 28 декабря 1787 г., с выходом второй Критики определился окончательный план всего критического предприятия: теперь в качестве третьей Критики обозначается, наконец, и *Критика вкуса*» (16).

Нечто подобное, вспомним, уже случалось в биографии Канта, когда часть задуманной книги — *критика чистого разума* — стала самостоятельной книгой «Критикой чистого разума».

Сейчас не узнать, какой была бы вторая *Критика*, останься она в составе первой. Скорее всего, она без привлеченных материалов из *Основоположения* была бы гораздо меньшего объема (17), а система *критической философии* состояла бы всего из одной книги — *Критики чистого разума*, как и планировалось с самого начала.

Зато Канту не пришлось бы в очередной раз откладывать публикацию *Метафизики нравов* и, возможно, ему удалось бы завершить и издать *Метафизику природы*, работу над которой он не прекращал до последних своих дней. Правда, для всех нас исчезла бы возможность вчитываться в хитросплетения и откровения кантовской мысли, содержащиеся в *Критике способности суждения*.

Конечно же, нелепо упрекать Канта за непоследовательность в осуществлении его собственных замыслов. Не стоит слишком строго судить его и за их корректировку, произведенную задним числом в третьей *Критике*: реальные итоги всегда отличаются от первоначальных планов, а осуществление некоторых из них с позиции завершенного труда видятся не такими уж желанными, какими они представлялись в его начале. Взгляды Канта на отдельные и общие задачи *критики разума* после завершения *Критики способности суждения* во многом иные, чем в первом и втором изданиях первой *Критики*, чем даже в *Критике практического разума*, не говоря уже о более ранних работах и рукописях.

Одним из результатов переосмысления Кантом целей и результатов теперь уже трехчастной *критики разума* стало окончательное исчезновение из его словаря термина *практическое познание*. Его нет в *Критике способности суждения*. Нет его и в последующих значительных трудах Канта. Правда, один раз он встречается в работе 1793 г. *Религия в пределах только разума*, где действительно выглядит рудиментом из старой заготовки [6. С. 197]. Несколько раз о нем говорится в *Логике* 1800 г., в так называемом *Прибавлении* под названием *О различии между теоретическим и практическим познанием* [6. С. 345].

Впрочем, *Логика* ряд исследователей считают не вполне кантовской работой и даже вовсе не кантовской, так как она написана не самим Кантом, хотя и на основе его собственных рукописей и студенческих конспектов его лекций, а текст ее был одобрен им без каких-либо серьезных замечаний (18).

Материалы, на основе которых было создано это *Прибавление*, относятся к периоду создания двух первых *Критик*, когда Канта еще занимал вопрос о специфике *практического познания*, и он связывал с ответом на него решение каких-то важных для него проблем. Похоже, размышления об этих проблемах не оставили его и в конце жизни, коль он согласился оставить *Прибавление* в учебном пособии по логике, где оно выглядит совершенно инородной вставкой, тематически никак не связанной ни с уже изложенным материалом, ни с последующим (19).

Для понимания вопросов, решение которых Кант во время работы над двумя первыми *Критиками* связывал с понятием *практическое познание*, нужно прояснить основные значения составляющих его терминов.

Прежде всего, разъяснения требует слово *познание*, которое в русском языке означает *приобретение знания*, а во множественном числе — совокупность *знаний*, а вовсе не деятельность по их добыванию (20). Примерно также обстоит дело с термином *Erkenntnis* и в немецком языке, который, однако, и в единственном числе нередко означает *знание*, т.е. результат познавательной деятельности (21). Именно в таком значении Кант использовал это слово чаще всего: задуманная им *критика разума* не ставила перед собой цель воспроизвести движение мысли от незнания к знанию, подобно *пробуждающейся статуе* Кондильяка или будущей гегелевской *Логике*. Она, как подчеркивал Кант, не *органон*, а *канон*, задача которого выявить сферу применения каждой познавательной способности-чувственности, рассудка и разума, чтобы предохранить от заблуждений, причина которых, по его убеждению, в попытках использовать их не по назначению — за границами их компетенций (22).

Но бывает, Кант использует слово *Erkenntnis* и в значении *познавательной деятельности*. В большинстве случаев тот или другой смысл, которые он вкладывает в термин *познание*, очевидны, и лишь иногда нуждаются в дополнительных разъяснениях. Не требует, например, особых пояснений смысл этого термина в том месте *Основоположения*, где говорится: «...Из всего практического познания моральные законы вместе с их принципами... существенно отличаются от всего прочего, что только заключает в себе хоть что-нибудь эмпирическое...».

Здесь *практическое познание* — это, конечно же, совокупность *знаний*. В прояснении нуждается значение термина *практическое*. Он, как показывает данное высказывание, отнюдь не был у Канта синонимом *морального*, как еще недавно принято было считать в советском (да и не только в советском) кантоведении (23). Ответа требует вопрос: что еще кроме *моральных законов* и *принципов* входит, по Канту, в состав (или является результатом) *практического познания*?

Г. Праусс в теперь уже неблизкие 70-е гг. прошлого века писал, что помимо «теории специфически-морального действия» Кант собирался создать еще и «всеобщую теорию действия», включающую «теорию действующего в материальной действительности человека», но «не довел до конца ее систематическую разработку» [7. Р. 19].

Эти суждения авторитетнейшего кантоведа представляются почти неправдоподобными, если вспомнить иронию, с какой Кант оценивал одно только допущение, что предметом философского интереса могут стать, например, *положения, которые касаются лишь создания предметов, или домашнего и сельского хозяйства, политической экономии, искусства обхождения, даже общего учения о счастье* (*allgemeine Glückseligkeitslehre*) [2. С. 838]. Однако эта ирония, характерная для *Критики способности суждения*, совершенно не свойственна ее автору в более ранние времена.

Так, в одном из его писем периода интенсивной работы над первой *Критикой* читаем: «Мое намерение, — писал Кант в конце 1773 г. М. Герцу о задачах своего

лекционного курса по *антропологии*, — состоит в том, чтобы... выявить источники всех наук: нравственности, различных видов умения, общения, методов образования и управления, другими словами, — всей практической сферы».

К выводам, сходным с теми, которые сделал Праусс, пришел в те же годы другой авторитетный исследователь и издатель кантовских текстов Н. Хинске (Norbert Hinske). Он писал, что *практика* в работах Канта — это *комплексное понятие*, что оно *включает в себя несколько независимых и конкурирующих друг с другом реализаций*, что эти реализации *предполагают совершенно разные основоположения деятельности и находятся друг к другу в сложном взаимоотношении* [8. Р. 86].

Хинске, имея в виду учение об *императивах*, полагает, что в письмах и рукописных заметках во время работы над первой *Критикой*, в лекциях того же периода и особенно в *Основоположении* Кант разграничил *три основные формы действия*, в основании которых лежат радикально отличающиеся друг от друга *правила, цели и интересы, конституирующие три основные самостоятельные формы практики* [8. Р. 88].

Обратимся к некоторым из этих источников и мы, прекрасно осознавая, что высказывания Канта, содержащиеся в его рукописных опусах, отнюдь не говорят об итоговых и окончательных выводах великого мыслителя (24). Да и кто скажет, где искать эти окончательные выводы и стоит ли их искать? Ведь взгляды Канта на многие проблемы менялись на пути не только от черновиков к публикациям, но и от одного опубликованного труда к другому. Нам теперь остается лишь выяснять, что он утверждал и, возможно, думал по тому или иному поводу, в тот или иной период своего творчества, в том или ином рукописном или печатном произведении. Суждения Канта ценны не тем, что могут служить щитом для защиты от любой критики собственных воззрений. Их главная ценность в том, что они вызывают у его потомков интерес к проблемам, важность которых не смогли в достаточной степени оценить его современники, инициируют собственные размышления на темы, о которых читатель без кантовских текстов, может быть, никогда и задумался.

В набросках к «Критике чистого разума» (далее — *Наброски*) Кант писал: «Моральное принуждение всегда практично, но не всякое практическое принуждение морально». Для обозначения побудительных причин поступков он использует в этот период юридический латинизм *Necessitation* (*принуждение*) и, следуя римским стойкам, разделяет волю, инициирующую различные действия людей, на чувственную — *животную* (*brutum*), или *патологическую*, и на разумную — *свободную* (*liberum*), или *практическую*. Соответственно этому разделению, читаем мы, «принуждение бывает либо патологическим, либо практическим».

Разумные действия людей в *Набросках* Кант подразделяет на *geschickte* (*искусные, умелые*), *kluge* (*умные, благоразумные*) и *weise* (*мудрые*), а *практические* (т.е. разумные и свободные) *принуждения* к ним — на *проблематическое, прагматическое и моральное*. *Geschicklichkeit* (*искусность, умение*), *Klugheit* (*ум, благоразумие*) и *Weisheit* (*мудрость*) он называет «средствами познания» *практических принуждений*. Говоря о *средствах познания*, Кант вовсе не имеет в виду, что уме-

ние (*искусность*), ум (*благоразумие*) (25) и мудрость (*моральность*) (26) — это особые познавательные способности наряду с *чувственностью*, *рассудком* и *разумом*.

Все три вида *практических принуждений* постигаются одной познавательной способностью — *рассудком*, который осмысляет свободные *поступки* людей через призму категорий *цель* и *средство*, совершенно непригодных, как мы знаем из *Критики чистого разума*, для познания *предметов опыта*, осмысляемых через призму категорий *причина* и *действие*. Кант в *докритических* работах и многих рукописях *критического* периода не проводил строгого предметно-функционального разграничения между *рассудком* (*der Verstand*) и *разумом* (*die Vernunft*), зачастую использовал эти термины как синонимы, отдавая предпочтение первому из них, когда имел ввиду интеллектуальную познавательную способность вообще. В зрелых работах Кант гораздо чаще говорит о *разуме* и реже использует в этом значении слово *рассудок*. Впрочем, *разум* еще долго будет у Канта лишь модификацией *рассудка* (27).

Проблематическое принуждение, — говорится в *Набросках* дальше, — познается тогда, «когда рассудок познает необходимость применения средств» для «произвольной цели»; *прагматическое* — «когда рассудок познает необходимость применения средств в отношении всеобщей цели всякого мыслящего существа» [3. С. 159].

Такой *всеобщей целью всякого мыслящего существа*, являющейся главным, если не единственным, стимулом человеческих поступков, всеми авторитетами с давних времен называлось *счастье*. В замечательно красивой фразе В.Г. Короленко *человек рожден для счастья, как птица для полета* новым является лишь сравнение. Тезис о прирожденности каждому человеку стремления к счастью появился еще в античности, когда актуализировался вопрос о мотивах самостоятельных поступков людей, освободившихся в демократических полисах от принуждений родоплеменных нравов, безальтернативно предписывающих нормы поведения с разнополыми и разновозрастными сородичами и инородцами.

Кант, разделяя в период работы над двумя первыми *Критиками* воззрение об укорененности во *всяком мыслящем существе* этой *всеобщей цели*, отнюдь не считал ее самой важной из тех, которыми руководствуются люди в своих поступках.

Секуляризация духовной жизни Европы, одним из результатов которой стало ослабление и порой прекращение тотального контроля за поведением индивидов со стороны католических духовников и протестантских общин, отнюдь не привела общество к хаосу, а людей к взаимоистреблению. Более того, в конце XVIII в. появляются вполне добропорядочные атеисты, открыто заявляющие о своем неверии, которых не было еще в начале века и тем более в веке предыдущем.

Вновь, как и в античности, вставал вопрос о мотивах свободных, не побуждаемых никем извне и неподконтрольных никому, но, тем не менее, добродетельных и даже бескорыстных поступков. Для многих проникательных умов второй половины XVIII в. все более понятными становились публикации П. Бейля почти столетней давности о возможности «общества без религии».

Кант, убежденный в *докритический* период, как и большинство людей своей эпохи, в моральной полезности религии, встав на позицию *критики разума*, приходит к выводу о первичности нравственных исканий людей по отношению к религиозной вере (29).

Он не сетует на падение *старых добрых нравов* и не призывает к их возрождению, как делал это еще Гесиод; он не дает рецептов исправления уже испортившихся нравов с помощью *законов* и методичного воспитания молодежи, как советовал Платон в *Законах*. Кант, расставаясь с пиетизмом детства и юности (30), перестает разделять веру своих единоверцев в то, что хороши нравы или они дурны зависит исключительно от того, хороша или дурна исповедуемая религия, а если она хороша, то исключительно от того, насколько истово исполняют обряды и восторженно верят те, кто исповедует *хорошую* религию.

Кант открывает в *нравственности* (31) (тождественной для него с *моралью*) регулятор поведения индивидов, не зависимый от их национальной принадлежности, законов их государства и господствующих вероисповеданий, и мало или даже вовсе не поддающийся воздействию извне. Исполнение требований *нравственности* для людей, считает он, ценно само по себе, оно — конечная цель, а не промежуточный этап, не *средство* для достижения какой-то иной, более важной *цели*, например, *счастья* (Glück) и даже такой его разновидности, как христианское ewige Glückseligkeit — *вечное блаженство* в загробном мире (32). Кант в набросках к первой *Критике* говорит о *моральном принуждении*, что оно есть «необходимость применения свободной воли не как средства к цели, а поскольку оно необходимо само по себе» [3. С. 159].

Формами выражения разнородных *практических принуждений* в *Набросках* оказываются *императивы*, «согласно которым действие **должно** произойти, — и, смягчая безальтернативное *должно*, Кант добавляет, — т.е. хорошо, чтобы оно произошло» [3. С. 159].

В *Критике чистого разума* функцию познания рассудком *практических предписаний*, под которым, надо полагать, и подразумевалось *практическое познание*, он передаст *разуму* (33), под которым все чаще подразумевается особая, преимущественно практическая, познавательная способность, отличающая homo sapiens от любого другого животного (34).

Студенты, слушавшие в те же годы (1775—1780) вводную лекцию Канта к курсу этики (35), записывали в свои конспекты его суждения о том, что *философия* бывает *теоретической* и *практической*, что в основании этого различия лежат разные *объекты*, что объект первой — это *познание*, а объект *практической философии* — *поведение*, точнее — *свободные действия и свободное поведение*, а еще точнее — *объективные правила свободного поведения*, каждое из которых *говорит, что должно произойти, хотя бы оно никогда не происходило* (36).

Далее в лекции давалась классификация *объективных правил свободного поведения*. «Практических правил (praktische Regeln), которые говорят, что должно произойти, три рода: правила умения (Geschicklichkeit), правила благоразумия (Klugheit) и правила нравственности (Sittlichkeit)» [9. Р. 4].

Здесь, как и в *Набросках*, говорится о «трех родах» *императивов*, посредством которых выражаются «каждое из объективно практических правил» (37). Кант

наделяет их именами соответствующих правил — *умения, благоразумия и нравственности*, которым он дает уже знакомые нам по *Наброскам* характеристики — *проблематические, прагматические и моральные*. «Все императивы, — записывают за Кантом студенты, — содержат объективное принуждение (Necessitation), условие которого — доброе и свободное волеизъявление» [9. Р. 4].

В *Лекциях по этике* (далее — *Лекция*) не говорится однозначно, какова область применения *императивов умения*. Об этом говорится в *Набросках*: «Умение применяется к вещам, ум (Klugheit) — к людям» [3. С. 207].

Здесь нужно небольшое отступление. Одним и тем же русским словом *вещь* переводят два совершенно разных термина — Sache и Ding, которые и в немецком языке часто используются как синонимы.

Однако когда речь идет о *вещи* как объекте права, употребляется исключительно термин Sache и никогда — Ding, во всех остальных случаях *вещь* может обозначаться обоими терминами.

Слову Sache в правовой терминологии противостоит *лицо* (Person), которое, как теперь знает множество россиян, может быть и *физическим*, и *юридическим*. В приведенном высказывании из *Набросков* Sache ставится в оппозицию к Mensch (человеку). Позже при обсуждении морально-правовых проблем термин Sache, которым можно обозначать даже человека, если он, например, раб, Кант будет использовать исключительно как оппозицию юридическому латинизму Person, а иногда — производному от него немецкому слову Personlichkeit (*личность*) (38).

Итак, *правила умения* регулируют *поведение* человека с *вещами*, под которыми подразумеваются и геометрические фигуры, и неодушевленные предметы, и даже люди, когда они становятся объектом приложения, например, врачебного или юридического искусства.

Императивы умения, говорится в Лекции, «в высшей степени полезны и должны предшествовать всем прочим императивам», так как прежде, чем добиваться обязательных для воли каждого здорового человека целей (aufgegebenen Zwecke), нужно «быть в состоянии» реализовывать «произвольные цели» и располагать «средствами их достижения» [9. Р. 4].

Иными словами, Кант видит в правилах умения *полезнейшее средство* для осуществления других более высоких, с его точки зрения, прагматических и моральных целей, но не включает их в состав *практической философии*: «Практическая философия содержит не правила умения, но правила благоразумия и нравственности. Она, таким образом, есть прагматическая и моральная философия: прагматическая в отношении правил благоразумия, а моральная — в отношении правил нравственности» [9. Р. 5].

Из предшествующего текста не ясно, почему *императивы умения* оказываются на особом положении: по всем признакам, которые описываются в *Лекциях*, они должны входить в *практическую философию*. Несомненно, Кант руководствовался общепринятыми в немецком Просвещении представлениями о предметной области philosophia practica.

Но сложившаяся оригинальная концепция о трех самостоятельных формах *практики* требовала объяснения, почему одна из них — *умелое поведение* —

не может быть предметом *практической философии*. Такое объяснение мы находим в *Основоположении*, где говорится, что *технические императивы*, как все чаще Кант станет называть *правила умения* (39), не предполагают учета интересов других людей, не принимают во внимание, что они являются разумными существами, способными преследовать собственные цели, то есть *лицами*.

Выбор того или иного *императива умения* среди множества других зависит от поставленной перед исполнителем цели, причем следование ему, говорится в *Основоположении*, не предполагает обсуждения вопроса о том, «разумна и добра ли цель», речь в них идет о том, «что необходимо сделать, чтобы ее достигнуть» [2. С. 125].

Хинске полагает, что аналогом кантовским *техническим императивам* в современном языке являются *технологические* и даже *технократические принципы* [8. Р. 86].

Трудно не согласиться с трактовкой кантовских *правил умения* как аналога современных *технологических принципов*, но отождествление их с *технократическими принципами* представляется не столь очевидным. Можно ли говорить о *технократической идеологии* в отсутствие *технократов* с их культом *homo faber*?

Промышленная революция, в короткий срок преобразившая мир и вызвавшая обостренное внимание к философским проблемам технологии, делала только первые шаги в Англии. На континенте же основная масса продукции создавалась индивидуальным трудом крестьян и ремесленников. Даже на мануфактуре главной фигурой оставался мастер-умелец, который не хотел, а зачастую не мог, как и во времена Аристотеля, объяснить тайну своего умения. *Инженер* в XVIII и даже в начале XIX вв. — все еще удивляющий публику *хитрец*, обманщик природы, а не представитель массовой профессии.

Политехническая школа — первый Европе инженерный вуз — учреждена Наполеоном только в 1794 г., а инициатор ее создания, Г. Монж, лишь в 1799 г. издал свою «Начертательную геометрию». Принципы этой геометрии впервые позволили заранее рассчитывать размеры деталей будущих изделий и сооружений и благодаря этому вычислять их прочностные характеристики с помощью давно уже известных законов теоретической механики. А пока даже такие сложные сооружения, как храмы, крепости и корабли, создавались на основе весьма приблизительных эскизов и расчетов, но больше всего на основе *искусства* мастеров, многочисленные *правила* которого оставались семейным секретом (40).

В то время, когда писались *Критики*, *технократической идеологии* еще не существовало, если не считать ее выражением *Новую Атлантиду* Фр. Бэкона и разрабатывавшийся Сен-Симоном и его секретарем О. Контом проекты *индустриального общества*. У Канта *технические императивы* не конкурируют с императивами *благоразумия* и *нравственности* в формировании норм общественной жизни: у них разные области применения. Первые регулируют поведение людей с *вещами*, вторые — с *лицами*.

В период работы над первой *Критикой* для Канта *практическая философия* — это учение о взаимоотношениях *лиц*, а не об их *умениях* создавать и преобразовывать *вещи*.

Однако основание для противопоставления *императивов умения* остальным императивам в *Лекции* сугубо формально: их *веления*, хотя и являются *ассерторическими* — обязательными, *всеобщими и необходимыми* (41), однако они — *средства*, применение которых зависит от *произвольной* (необязательной для каждого из нас) *цели*, являющейся их условием; форма их выражения — импликация, условное предложение, и потому они являются *гипотетическими* [9. Р. 4].

Именно *условность* (*гипотетичность* в кантовской трактовке) является в *Лекции* формальным основанием, чтобы не включать вполне практические *правила умения* в *практическую философию* (42).

Прагматические императивы также являются *средствами*, однако в отличие от *правил умения*, каждое из которых обусловлено собственной практической целью, познание *правил благоразумия* и следование им подчинены одной единственной цели — *достижению счастья*.

Эту цель наряду с целью *императивов нравственности* Кант в *Лекции* называет *заданной*, а точнее — *предзаданной* (*aufgegebene Zweck*), то есть такой, от стремления к которой не может отказаться ни один человек (43). На этом основании Кант одно время склонялся даже к тому, чтобы называть прагматические императивы *категорическими* (44).

Говоря в *Лекции* о благоразумии, что «цель здесь уже определена, чего нет в случае правил умения», Кант неожиданно, противореча самому себе, заявляет: «Для благоразумия требуется... определить цель, а затем употребить средства для этой цели» (45). Поскольку нет универсального, одинакового для всех определения счастья (46) и даже такой его разновидности, как *блаженство* (*Glückseligkeit*), разъясняет слушателям Кант, *правила благоразумия* включают в себя 2 рода правил: «правило оценки того, что такое счастье, и правило употребления средств для него» [9. Р. 5]. Иными словами, каждый сам определяет, в чем заключается для него счастье и в зависимости от этого избирает средства для его достижения.

Для Канта многообразность *счастья* — еще один, воспроизводимый в последующих работах, аргумент в пользу того, что *прагматические императивы* не могут быть универсальными общечеловеческими правилами поведения (47).

Но в *Лекции* это обстоятельство не мешает *правилам благоразумия* входить в состав задуманной Кантом *практической философии*, не ясно, правда, в каком виде. Не ясен и полный ее состав. Ясно, что в *практическую философию* обязательно войдут *прагматическая* и *моральная философия* и не войдет *антропология с прагматической точки зрения*, хотя ее предмет и принадлежит *сфере практического* (48).

«Наука правил, как должен вести себя человек, есть практическая философия, а наука правил действительного поведения есть антропология» [9. Р. 3].

Именно так мотивируется в *Лекции* отказ включить *антропологию* в *практическую философию*.

В отличие от древних Кант ни в одной работе не дает определения счастья и рецептов его достижения, но из его рассуждений о *благоразумии* и его *правилах* вытекает, что *счастье* возможно лишь в небескорыстном общении с другими людьми, обладающими разумом.

В *Основоположении* он определяет *благоразумие* двояко: как «искусность человека оказывать влияние на других, чтобы использовать их в своих целях» и как «знание того, как объединить все эти цели для собственной длительной выгоды» [2. С. 126]. Хинске называет их «тактическими и стратегическими принципами» [8. Р. 93].

Однако если продолжать аналогии с современным словоупотреблением, то *прагматические императивы* — это, скорее, правила управленческой деятельности, весьма неприглядные с точки зрения той формулировки категорического императива, которая запрещает относиться к *лицу* «только как к средству». Кант противопоставляет своекорыстное *себялюбие* *благоразумного эвдемонизма* даже в случае, если его целью провозглашается не личное, а *всеобщее счастье*, бескорыстную *мудрости*, правила которой в *Лекциях по этике* он называет императивами *нравственности* (49).

Кант и в *Лекциях* не слишком-то лестно характеризует *благоразумие* (хотя и не так критично, как в *Основоположении* и в следующих за ним *Критиках*), обращая внимание слушателей на его эгоистическое своекорыстие. Да и категоричность *прагматического императива*, формулировка которого противопоставляется *условности* правил *умения*, достаточно натянута. «Я не говорю: если ты хочешь быть счастливым, тебе нужно делать то-то и то-то, но потому, что каждый хочет быть счастливым — такое желание ведь присуще каждому — он должен соблюдать это правило» [9. Р. 5].

Замена союза *если* на слово *потому* отнюдь не делает веления *благоразумия* менее зависимыми от самых разных и вполне эмпирических представлений о счастье. Кант понимает это, и уже в *Критике чистого разума*, а затем в *Основоположении* и *Критике практического разума* они становятся не столько *велениями*, сколько *советам* (Räte), ни к чему не обязывающими *рекомендациями* (Ratschläge) (50).

В *Основоположении* они, как и *правила умения*, становятся *условными* и *гипотетическими*, поскольку выбор и применение каждого из них обусловлены конкретными эмпирическими условиями. *Категорическим* и *безусловным* остается лишь один сугубо рациональный *моральный императив*: человек лишен возможности выбора того или иного *правила нравственности*, которое подходит для одной эмпирической ситуации и не подходит для другой.

Однако ни в первой *Критике*, где Кант где уже критикует *эвдемонизм* за его неспособность объяснить бескорыстие нравственных поступков, ни в *Основоположении*, где эта критика усиливается, ни даже во второй *Критике*, ничего не говорится об исключении *прагматических императивов* из предмета *практической философии*, как это было сделано в *Лекциях* в отношении *правил умения*: трудно идти наперекор тысячелетней традиции, в согласии с которой правильное понимание *счастья* и путей его достижения — главный *стимул* добродетельных поступков людей.

Кант не считает *стимулы* (вознаграждения или наказания) движущими силами морального поведения и противопоставляет *стимулам* сугубо рациональные *мотивы* (51).

Но и игнорировать стремление каждого человека к *счастью* как важнейшую причину человеческих поступков Кант считал тогда совершенно невозможным. В *Критике чистого разума* он как будто находит способ устранить обнаруженное им противоречие *нравственности* и *счастья* в их синтезе с помощью новой дефиниции *высшего блага*, предполагающей формулу *достоинства быть счастливым* (52).

Однако Кант, видимо, еще долго колебался относительно состава *практической философии* и возможности включения в него *прагматической философии*, что, вероятно, послужило одной из причин 12-летнего срока, отделяющего издание *Основположения метафизики нравов* от *Метафизики нравов*.

Окончательное изгнание из *практической философии* императивов *благоразумия* с их поисками счастья и путей его достижения происходит в *Критике способности суждения*, завершающую *пропедевтику* в задуманную им *доктрину* — «систему философии чистого разума» (53).

При написании *Первого Введения* в третью *Критику* эта система виделась Канту состоящей из *формальной части* — *логики* и *реальной части*, включающей в себя *теоретическую философию* — *философию природы* и *практическую* — *философию нравов*. Ко времени завершения *Критики способности суждения* он уже знал, что его *практическая философия* ограничится *учением о праве* и *учением о добродетели* (54), а «моральная антропология» (еще один несбывшийся проект Канта), которая наряду с «метафизикой нравов» могла бы быть «другим членом деления практической философии», все-таки в ее состав не войдет [10. С. 124].

Давно уже в ней нет места и для *прагматической философии* с ее *императивами благоразумия*, намечавшейся в *Лекции по этике*.

Само *благоразумие* как *сноровка* (*Fertigkeit*) в достижении счастья (55) в последней *Критике* оказывается всего лишь одним из бесчисленных *искусств* и *умений* — «умением оказывать влияние на людей и на их волю» (56). А все *правила искусства* (*Kunst*), включая умения и навыки поэтов и художников, и *правила искусности* (*Geschicklichkeit*), включая *прагматические императивы*, «не могут претендовать на какое-либо место в особой философии, которую именуют практической» [10. С. 83].

Единственным достойным ее предметом остаются *морально-практические предписания*, изучаемые традиционной этикой и новой еще только становящейся дисциплиной, для которой Густав Гуго, последователь и оппонент Канта, только что придумал имя «философия права» (57).

Означает ли подобное ограничение предметной области *практической философии*, что Кант перестает *правила умения* считать *практическими*?

Ответ на этот вопрос неоднозначен.

С одной стороны, он называет эти правила *технически-практическими*, и, следовательно, они *практические*.

С другой стороны, главным формальным основанием для исключения *технических правил* из *практической философии* оказывается теперь их *теоретичность* [10. С. 83].

Гипотетичность же (по Канту, зависимость выбора и способа применения того или иного практического правила от конкретных условий) теперь становится

признаком того, что на самом деле данное *практическое* правило является *теоретическим*, точнее — оно принадлежит той или иной естественнонаучной теории как *коллорарий* из нее [10. С. 83]. В работе 1793 г. *О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики»* Кант призывает называть *теорией* совокупность *практических правил*, пусть даже они обладают *некоторой всеобщностью* и мыслятся «отвлеченно от множества условий, которые, однако, необходимо имеют влияние на их применение» [10. С. 241]. Отсюда как будто вытекает, что под *практикой* Кант понимает следование одному лишь *безусловному*, то есть моральному императиву.

Однако приводимая здесь же его единственная дефиниция *практики* выходит далеко за пределы понятия *моральная деятельность*. «Практикой (Praxis), — говорится в работе, — называется не всякое действие (Handlung), а лишь такое осуществление (Bewirkung) цели, которое мыслится как следование определенным, представленным в общем виде, принципам поведения» (58).

Как видим, Кант дает чрезвычайно широкое определение *практики*, призванное подчеркнуть ее отличие от спонтанных, не направляемых и не контролируемых разумом действий. Далее он рассуждает об отношении теории не только к *практике* в морали, в государственном и международном праве, но и о значении теории для *практики* врача, агронома, финансиста, артиллериста, имея в виду не морально-правовую, а именно профессиональную сторону деятельности этих специалистов.

Какие-то странные значения вкладывает Кант в немецкий эллинизм Praxis, который он как будто и хочет закрепить исключительно за морально-правовой деятельностью, но сам постоянно выходит за намечаемые им ограничения.

Несомненно, здесь сказывалось давление профессиональной языковой среды его времени, где активно использовался латинский эллинизм practica, имевший очень широкий, почти современный нам, круг значений, включавший даже *практику* инквизиторов по выявлению ведьм. Н. Хинске даже сделал вывод: «Термин „практика“... в практической философии Канта не играет какой-либо господствующей роли» [8. Р. 87].

Но, кажется, это все же не так.

Если говорить о частотности в кантовских текстах слова *практика* (die Praxis) как существительного женского рода единственного числа, то Хинске прав. Во всяком случае, автору данной статьи в других работах Канта термин «практика» не встречался. Зато во множестве в них встречаются производные от него прилагательные, позволяющие при надобности эксплицировать значения и их субстанции — существительного *практика*.

И вопрос даже не в том, включал ли зрелый Кант в понятие *практика* действия, направляемые *правилами умения* и *благоразумия*, или нет.

Вопрос в том, почему некоторые, несомненно, с его точки зрения, *практические правила* следует, по его же убеждению, называть *теорией*? Что он понимал под *теорией*? Какие значения вкладывал Кант в термин *теоретическое познание*, противопоставление которому познания *практического* положило начало многотрудной и многотомной *пропедевтике* к *доктрине*, отобравшей у него силы и время, так необходимые ему для тщательной проработки и изложения собственно

доктрины, которой он предполагал посвятить *Метафизику природы* и *Метафизику нравов* (59).

Кантовскому термину *теоретическое познание* «повезло» немногим больше, чем словосочетанию *практическое познание*.

Если второе не привлекало внимания исследователей из-за того, что Кант почти не писал о нем, то первый из-за его почти обыденной повседневности.

Слово *теория* и производные от него настолько укоренились в современном языке, стали настолько распространенными и привычными, что специальное разъяснение их значений в кантовской философии представляется совершенно излишним.

Однако такое разъяснение все же необходимо. За прошедшие два века способы употребления этих терминов существенно изменились, и теперь, читая тексты Канта, мы невольно связываем их использование с решением тех проблем, которые тот вовсе не ставил, и не замечаем те из них, которые его действительно волновали и не перестали быть значимыми. Обратить более пристальное внимание на значения термина *теория* и производные от него в текстах Канта заставляет хотя бы ограничение им *природой* предметной области *теоретического* познания. «...За пределами определений природы нет никакой теории», — резюмирует он в *Метафизике нравов* то, о чем он говорил в предшествующих *критических работах* (60).

В наши дни под влиянием *философии науки* (в основном англоязычной) круг возможных значений слова *теоретическое* задается, как правило, противопоставлением его слову *эмпирическое* (61), которое в свою очередь, начиная с XVII в., уже традиционно используется как антоним термину *рациональное* (62).

Оппозиции *теоретическое* — *эмпирическое* и *эмпирическое* — *рациональное* при описании познавательных процессов и языка науки, действуя совместно и одновременно, навязывают сознанию наших современников едва ли ни полную синонимичность слов *теоретическое*, *рациональное*, *интеллектуальное*, *абстрактное*.

Определение *теоретического* как того, что не является *эмпирическим*, и является, следовательно, *рациональным*, кажется теперь настолько естественным, настолько само собой разумеющимся, что классификация наук Хр. Вольфа, ставшая основой учебных планов немецких университетов XVIII в., представляется каким-то странным недоразумением, наивным недомыслием века Просвещения. В этой классификации слова *эмпирическое* и *теоретическое* не только не противопоставляются друг другу с помощью взаимоисключающей дизъюнкции, но соединены дружественной конъюнкцией в режущей современные ухо и глаз рубрике *эмпирические теоретические науки* (63).

В оправдание Вольфа и его современников следует сказать: они даже не подозревали, что могут существовать основания для противопоставления *эмпирических* знаний *теоретическим*.

Они, следуя идущей от Аристотеля традиции, разделяли все науки, прежде всего, по предметам — на *теоретические* и *практические*.

А во-вторых, следуя веяниям своего времени, они в дополнение к основному членению наук *по предметам* добавляли еще и дополнительное разделение их *по способам* (источникам) познания — на *эмпирические* и *рациональные*.

Считалось, что *предметами теоретических наук* являются объекты, возникновение, способ существования и изменения которых не зависят от чьего-либо произвола. О них, по выражению Аристотеля, *мы не принимаем решений* (64). Неизменностью таких объектов, постоянством регулярных изменений в некоторых из них, недоступностью или сознательным нежеланием произвольного вмешательства в их жизнь объяснялась возможность достижения истинного знания (соответствия понятий объектам), а также то, почему единственно возможный способ поведения с ними (например, с *космосом*) — это $\theta\epsilon\omega\rho\iota\alpha$ (буквально — *созерцание, наблюдение*) с помощью *чувств* либо *ума*.

Древние эллины, начиная с Фалеса, в своем большинстве оценивали достоверность результатов *умосозерцания* выше созерцания чувственного, полагая последнее тесно связанным со страстью ($\theta\varsigma$) и потому способным дать лишь множество изменчивых *мнений* ($\delta\acute{o}\varsigma\alpha$) (65). Однако и чувственное *созерцание* для них — это все та же $\theta\epsilon\omega\rho\iota\alpha$ (66).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) О соотношении терминов *an sich* и *an sich selbst* в немецком языке и истории переводов термина *Ding an sich selbst* и его редуцированной формы *Ding an sich* на русский язык см. эссе Н.В. Мотрошиловой в *Комментариях к новой редакции перевода «Критики чистого разума»* // Кант И. Соч. в 4-х томах на немецком и русском языках. Т. 2. Ч. 2. М., 2006. С. 698—715. Далее для краткости данное издание будет обозначаться как «Кант И. Двухязычное издание». Ссылки на его четные страницы — это ссылки на предлагаемый издателями русский перевод, ссылки на нечетные (немецкие) страницы — говорят о собственном переводе терминов и высказываний Канта автором данной статьи.
- (2) См., напр., комментарий Н.В. Мотрошиловой к переводам термина *Erkenntnis* в двухязычной «Критике способности суждения»: «В наших переводах...установилась традиция „логизации“ гносеологических линий кантовского учения: „Erkenntnis“ сводится к „Kenntnis“, (почти всегда) переводится как „знание“» [Там же. Т. 4. М., 2001. С. 981]. Иллюстрацией этому замечанию может служить предметный указатель к «Критике чистого разума» 8-томного издания 1994 г., где термин «практическое познание» помещен в рубрику «знание», что имеет некоторые основания, о которых будет сказано позже. Впрочем, в предметном указателе к двухязычной «Критике чистого разума» термин *практическое познание* и вовсе отсутствует, что отчасти искупается развернутым комментарием-эссе о значениях термина *die Erkenntnis*. См.: Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 745, 721—727.
- (3) Многие кантоведы отмечают, что в этом письме впервые появляется термин *критика чистого разума*, а Э. Кассирер, одним из первых обративший на него внимание, писал: «...Здесь ...присутствуют все фундаментальные идеи, из которых сложилась критика чистого разума. То, что позже Кант назовет „революцией в способе мышления“, „коперниканским переворотом в проблеме познания“, здесь совершено» [Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. — СПб., 1997. — С. 115].
- (4) См. план работы «Границы чувственности и разума» в приведенном письме Герцу, где первым разделом ее теоретической части названа «феноменология вообще». К идее *феноменологии* (*phaenomenologia generalis*) как *пропедевтики к метафизике*, которая должна быть *чисто негативной наукой*, определяющей *границы чувственности* для предотвра-

- щения ее воздействия «на суждения о предметах чистого разума» и освобождение «метафизики от всякой примеси чувственности» Кант, уже несколько лет интенсивно работавший над «метафизикой нравственности», пришел не позднее 1770 г. См.: *Кант И.* Соч. в 8-ми т. Т. 8. С. 482—483.
- (5) Неосуществленной мечтой Канта осталась, например, работа по «философии природы», создание которой он представлял себе в первом издании первой *Критики* «скорее развлечением, чем трудом», но так и незаконченная им, хотя он работал над ней до самой смерти. См. подробнейший разбор рукописей Канта и их соотнесение с изданными при жизни его работами: *Mathieu V. Kants Opus postumum.* — Frankfurt am Main, 1989. На русском языке см.: *Чернов С.А.* Последний труд Канта // Кант И. Из рукописного наследия. М., 2000.
- (6) «После десятилетия глубочайших раздумий, после все новых отсрочек окончание сочинения достигается лишь внезапным решением, насильственно прекращающим ход мыслей. Только страх, что смерть или старческая слабость может внезапно прервать его деятельность, заставили Канта придать наконец внешнее завершение его мыслям, которое он сам признавал предварительным и неудовлетворительным». *Кассирер Э.* Жизнь и учение Канта. С. 120.
- (7) См.: там же. С. 119.
- (8) В конце 1773 г. Кант пишет Герцу: «С радостью думаю о том времени, когда закончу мою трансцендентальную философию, являющую собой... критику чистого разума; тогда я перейду к метафизике, которая состоит только из двух частей: метафизики природы и метафизики нравственности; из этих двух я сначала опубликую последнюю, чему я радуюсь уже теперь». *Кант И.* Собр. соч. в 8 т. Т. 8. С. 496.
- (9) В 1776 г. Кант объясняет Герцу причину очередной задержки публикации давно обещанной *критики чистого разума*, тем, что «из того, что уже есть в наличии, ничего использовать нельзя и... необходимо разработать даже особые технические термины».
- (10) В письме Х. Гарве от 07.08.1783, пропагандисту «Популярной философии» (немецкое раннее Просвещение, родоначальником которого был Хр. Вольф, призывавшее нести научные знания народу на родном языке, чтобы сделать необратимым общественный прогресс), Кант признает справедливость упрека в «недостаточной популярности» уже изданной «Критики чистого разума», но оправдывается тем, что 12-летнюю мыслительную работу над ней он изложил на бумаге «за 4—5 месяцев», и оптимистически предполагает: «Первый шок от множества совершенно непривычных понятий и некоторых еще более непривычных терминов, хотя и неизбежно присущих новому языку, пройдет. Некоторые пункты со временем станут яснее (этому могли бы способствовать мои „Прологомены“). Эти пункты осветят и другое, для чего... иногда потребуется и мое участие» [Там же. С. 506].
- (11) О различиях в значениях терминов *Gebrauch* и *Anwendung*, иногда теряющихся при их переводе на русский язык, см.: комментарий-эссе Н.В. Мотрошиловой // Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 730—733.
- (12) См.: *Кассирер Э.* Там же. С. 121. «...Тот, кто будет следовать за установлениями Канта с тем педантизмом, который некоторые считают признаком подлинной и „точной“ кантовской филологии, и выявлять в отдельных понятиях и выражениях различия и „противоречия“, увидит в этих листах лишь хаос разнородных выдумок», — пишет он о набросках Канта 1775 года [Там же].
- (13) На русском языке с этими набросками, а также с некоторыми другими записями Канта, послужившими черновым материалом к *Критике чистого разума*, можно познакомиться в: *Кант И.* Из рукописного наследия. М., 2000. С. 6—320. Правда, русский перевод не дает представления о *суверенном равнодушии* Канта в этих набросках не только к терминам, но еще и к правилам правописания, вполне объяснимой непредназначенностью подобных записей для посторонних глаз.

- (14) Здесь 2 раза использует термин *теоретический разум*, которого нет в обоих изданиях *Критики чистого разума* и в *Основании метафизики нравов*. См.: Там же. Т. 3. С. 519, 521.
- (15) Это предложение дало повод соиздателям двуязычного издания все встречающиеся в *Первом Введении* словосочетания *критика чистого разума* или имени собственного *Критика чистого разума* отнести в предметном указателе к термину *Критика чистого теоретического разума* (*Kritik der reinen theoretischen Vernunft*) // Там же. С. 1093, 1103.
- (16) Для Канта вообще характерно редуцирование развернутых терминов к кратким метафорическим формам. Например, *вещь, рассмотренная сама по себе* (*Ding an sich selbst betrachtet*), редуцируется им к *вещи самой по себе* (*Ding an sich selbst*), а та в свою очередь — к *вещи в себе* (*Ding an sich*), что нередко дает повод читателям, почитателям и критикам кантовской философии к различению значений этих словосочетаний, имеющих, однако, один и тот же денотат. См. об этом: *Prauss G. Kant und das Problem der Dinge an sich. Bonn, 1974.*
- (17) Кант пишет в предисловии, что для «законченной полноты *критики чистого практического разума*» требуется «представить единство его с разумом спекулятивным в некоем общем им принципе», но «до такой полноты» он «еще не мог здесь довести свое исследование, не примешивая размышлений другого рода и не запутывая этим читателя. Вот почему, — продолжает Кант, — я не воспользовался наименованием критики чистого практического разума, но озаглавил свою книгу „Основоположение к метафизике нравов“». Там же. С. 53, 55.
- (18) Там же. С. 11—13. Кстати, значительная часть вопросов, которым посвящена третья *Критика*, уже обсуждалась в *первой*.
- (19) «Наторп верно замечает, — пишет Мальтер, — что Основоположение и Критика практического разума по своей сути еще в значительной степени совпадают друг с другом, причем основой этого предметного совпадения служит Основоположение» // Там же. Т. 3. С. 11.
- (20) Кант читал курс по логике 21 год, с 1755 по 1796 гг. Об истории создания Логики и отношении к ней кантоведов см. Примечания к ней В.А. Жучкова.
- (21) Впрочем, Прибавление можно считать единственно оригинальным кантовским текстом внутри вполне безличного пособия по логике. Его сохранение в тексте книги с названием Логика и непрекращающиеся даже в конце жизни попытки дописать Метафизику природы можно объяснить стремлением Канта во чтобы то ни стало завершить план систематической философии, заявленный как доктрина в первой *Критике* и окончательно оформившийся лишь при написании последней *Критики*.
- (22) Именно в таком значении, например, используется это слово в русском каноническом переводе библейской книги Екклесиаста, где говорится, что тот, «кто умножает познания, умножает скорбь» [Еккл. 1, 18].
- (23) Н.В. Мотрошилова, сопоставив использование в кантовских текстах терминов *Wissen, Kenntnis, Erkenntnis*, нередко переводимых одним и тем же словом *знание*, приходит к выводу, что даже в тех случаях, когда у Канта слово *Erkenntnis* означает не познавательную деятельность, а ее результат, оно несет *процессуально-динамические* характеристики, часто неуловимые при переводе его на русский язык.
- (24) См., напр., рассуждения Канта о *негативной* пользе *Критики чистого разума* в *Предисловии* к ее 2-му изданию.
- (25) «...,практическим“ Кант называет лишь то, что относится к моральному определению воли», — говорится, например, во вступительной статье к этическим работам Канта // Кант И. Соч. в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1966. С. 39.
- (26) К ним, как советует В.А. Жучков, инициатор и редактор издания на русском языке кантовских набросков и черновиков, не следует относиться к ним как к *обильному и доступному источнику для механического цитирования или непроверенных и безоглядных ссылок на «самого Канта»* // Кант И. Из рукописного наследия. С. 9.

- (27) Русское слово *благоразумие* не является калькой немецкого термина *Klugheit*, который вовсе не означает *разумение блага*, так как слово *благо* не входит в его состав. *Klugheit* — термин со множеством значений, близких тем, которые обозначают русскими словами *ум, разумность, сообразительность, рассудительность*, необходимые при принятии практических решений. Своими значениями он сходен с греческим *φρόνησις* (φρόνησις), который также зачастую переводится на русский язык словом *благоразумие* и в общем виде означает интеллектуальный регулятор человеческих поступков, противопоставляемый безрассудной страсти (πάθος).
- (28) «...Моральность имеет отношение к мудрости, и даже есть истинная мудрость...». Там же. С. 207. Кант был последним из великих философов, кто рассуждал о *мудрости*. Он был современником и участником кардинальных преобразований в духовной жизни Европы, включая формирование современных нам взглядов на суть *философии*, которые при всем их многообразии даже не предполагают всерьез считать ее *любовью к мудрости*.
- (29) Кант неоднократно утверждал, что *разум* — это тот же самый *рассудок*, занятый решением не теоретических, а практических вопросов. Так, в *Критике практического разума* читаем: «...Кроме того отношения, в котором *рассудок* находится с предметами (в теоретическом познании), он имеет еще отношение и к способности желания, ...тогда чистый рассудок (который в этом случае называется разумом) благодаря одному лишь представлению о законе есть практический разум». *Кант И.* Двухязычное издание. Т. 3. С. 55. Ср. с суждениями о *высшей познавательной способности* в *Антропологии*. *Кант И.* Соч. в 8 т. Т. 7. С. 221.
- (30) Кант *докритический* — вполне вольтерьянец: Вольтер, хотя и призывал «раздавить гадину», хотя и утверждал, что религия возникла в результате плутовства одних и наивности других, однако полагал, что ее все же следовало выдумать хотя бы для того, чтобы слуга, убоившись загробного возмездия, не зарезал с целью ограбления своего хозяина. «Хотя религия, конечно, может принести пользу, непосредственно относящуюся к будущему блаженству, — писал Кант в 1760-е годы, — однако самая естественная и основная ее польза — так направлять наши нравы, чтобы мы были способны выполнить наше назначение в этом мире». *Кант И.* Соч. в 8 т. Т. 2. С. 38.
- (31) О неоднозначном отношении Канта к пиетизму в разные годы жизни см.: *Кассирер Э.* Жизнь и учение Канта. С. 19—21; *Соловьёв Э.Ю.* Категорический императив нравственности и права. М., 2005. С. 12—15.
- (32) Термин *нравственность* (die Sittlichkeit), буквально означающий строгое следование *нравам* (der Sitten), которые могут быть не только добрыми, но и дурными и даже злыми, лишь с середины XVIII в. начинает входить в литературный обиход в значении побудительной причины исключительно добрых поступков. Канту не нравится немецкое слово Sitten, чаще всего использовавшееся для обозначения *обычаев, привычек* и его латинский аналог mores, поскольку они означают «лишь манеры и обращение» (См.: *Кант И.* Соч. в 8 т. Т. 6. С. 237), но и обойтись без них из-за многовековой традиции обсуждения именно *нравов* он не может, хотя предпочитает использовать производные от них *нравственность* и *моральность*, *нравственность* и *мораль*.
- (33) Glückseligkeit — слово, в последние постатеистические годы переводимое на русский язык преимущественно как *блаженство*, хотя *блаженство* (Seligkeit) составляет только вторую часть этого слова, а первую — Glück (счастье). Но и *блаженство* — весьма условный перевод Seligkeit: о *благах и переживаниях*, связанных с его обладанием, это слово ничего не говорит. Нужен особый такт, которым обладали издатели 6-томного издания Канта, переводившие в зависимости от контекста Glückseligkeit и как *счастье*, когда речь идет об эвдемонизме, и как *блаженство*, когда говорится о религиозных верованиях.
- (34) «...В практической области, — говорится в первой *Критике*, — мы прежде всего ищем у разума лишь *предписания* (Vorschrift) для поведения...» *Кант И.* Двухязычное издание. Т. 2. Ч. 1. С. 1009.

- (35) См., напр.: Там же. С. 69, 263, 279.
- (36) В период интенсивной работы над Критикой чистого разума Кант читал курс этики, структура и основные положения которого, по университетским правилам того времени, определялись уже изданными и получившими широкое признание работами А.Г. Баумгартена. Текст сведенных воедино студенческих конспектов вводной лекции, выражавшей собственные взгляды Канта, был опубликован П. Менцером в 1924 г. под названием *Лекция Канта по этике* (Eine Vorlesung Kants über Ethik). На русском языке этот курс полностью опубликован под названием *Лекции по этике*. См. *Кант И. Лекции по этике*. М., 2005. С. 38—223.
- (37) Позже, в *Основоположении*, Кант разъяснит, почему *императив* — это не *принуждение* воли субъекта к немедленному и безоговорочному выполнению повеления, а менее жесткое *практическое правило*, которое не требует совершать «тотчас же действия просто потому, что оно хорошо». Субъект ведь «не всегда знает, что оно хорошо», и даже, прекрасно зная, что такое хорошо и что такое плохо, мы, бывает, следуем нашим субъективным *максимам*, которые могут «противоречить объективным принципам практического разума». *Кант И. Двухязычное издание*. Т. 3. С. 123—125.
- (38) Существа..., если они не наделены разумом... называются... *вещами* (Sachen), тогда как разумные существа называются *лицами* (Personen)... *Кант И. Двухязычное издание*. Т. 3. С. 167.
- (39) Греческое слово τέχνη (в латинской транскрипции — tekhnē), собственно, и означает *искусство* как *умение*, когда мы говорим, например, о *технике* пианиста, футболиста, живописца.
- (40) Петр I, стремясь самостоятельно овладеть всеми секретами кораблестроения и ослабить зависимость России от иноземных искусников-корабелов, почти за 100 лет до Монжа попытался изображать строящиеся корабли в плане и разрезе. Но то были не чертежи в нашем понимании, а приблизительные рисунки. Способы изображения на чертежах будущих изделий в различных проекциях и умение вычислять точные размеры их деталей изобрел именно Монж, создав тем самым важнейшую предпосылку для массового инженерного образования.
- (41) *Ассерторические* Кант трактует применительно к правилам поведения как *всеобщие и необходимые*. Eine Vorlesung Kants... S. 5.
- (42) Кант здесь идет за Аристотелем, противопоставлявшим искусство (τέχνη) и творчество (ποίησις), цель которых вне самих этих видов деятельности, и поступок (πρακτική, προσιόν), являющийся целью нашего решения. Впрочем, по Аристотелю, поступок в рамках оппозиции фюсис-техне принадлежит сфере искусства. EN 1139 a — 1140 a 25.
- (43) Хинске полагает, что именно aufgegebenen Zwecke — «тема практической философии». *Hinske N. Kant als Herausforderung...* S. 108.
- (44) «Всеобщие прагматические императивы, — цитирует Хинске одну из записных книжек Канта, — также являются категорическими (categorisch)... они являются положениями, которые... говорят о том, что хочет каждый...».
- (45) С трудностью определения счастья столкнулся уже Аристотель. «...Называть счастье высшим благом, — говорится в Никомаховой этике, — кажется чем-то общепризнанным, но непременно нужно отчетливее определить еще и его суть». (EN 1097 b 6) Слово ευδαιμονία (эвдемония) переводится на русский язык как счастье, а на немецкий — как Glück и Glückseligkeit. Буквальная калька его невозможна, приблизительная же — божественный (δαιμονία) дар, выпадающий счастливицу по жребию при дележе трофеев, очередных переделов общинных земель, занятии некоторых вакансий. Результаты жеребьевки рассматривались эллинами как проявление воли богов, поэтому Аристотель, перечислив несколько распространенных в его время несобственных значений слова ευδαιμονία, заявляет, что «если вообще существует какой-нибудь дар богов людям, весьма разумно допустить, что и счастье дарится богами» (EN 1099 b 10).

- (46) В *Критике практического разума* о принципе счастья говорится, что «познание в этом случае основывается на одних только данных опыта, так как любое суждение о счастье в очень большой степени зависит у каждого от его мнения, которое к тому же весьма непостоянно, то здесь можно дать лишь общие, но вовсе не универсальные правила, т.е. такие, какие чаще всего в среднем встречаются, но не такие, какие должны иметь силу всегда и необходимо». *Кант И.* Двухязычное издание. Т. 3. С. 363. См. также: Там же. С. 131; *Кант И.* Из рукописного наследия. С. 159—160; *Eine Vorlesung Kants...* S. 5.
- (47) То, что читаемая им *антропология* относится к сфере *практического* для Канта всегда было несомненно. Вспомним приводившееся уже его письмо М. Герцу конца 1773 г. Не сомневался он в этом и при издании *Антропологии с прагматической точки зрения* в 1798 г., предмет которой — «то или иное наблюдаемое человеческое свойство, находящее свое выражение в сфере практического». *Кант И.* Соч. в 8 т. Т. 7. С. 141.
- (48) К мысли о единственности *морального императива*, хотя и в трех основных формулировках, Кант окончательно пришел лишь в ходе работы над *Основоположением*.
- (49) «Прагматический закон советует..., а нравственный закон повелевает...» *Кант И.* Двухязычное издание. Т. 2. Ч. 1. С. 1013. Ср. с аналогичными суждениями *Основоположении* и второй *Критике*. Там же. Т. 3. С. 129.
- (50) См.: *Кант И.* Двухязычное издание. Т. 3. С. 263, прим.; см. также размышления о *стимулах и мотивах* в *Набросках к «Критике чистого разума»* 1778—1800 г. // *Кант И.* Из рукописного наследия. С. 158—159.
- (51) Эту формулу Кант неоднократно воспроизводил в более поздних работах. Ср. с *Критикой практического разума*, где говорится, что «мораль есть учение не о том, как мы должны сделать себя счастливыми, а том, как мы должны стать достойными счастья». Там же. Т. 3. С. 641.
- (52) «...Критика чистого разума... состоит из трех частей: из критики чистого рассудка, критики способности суждения и критики чистого разума...» Там же. Т. 4. С. 97—99. Под последней в этом высказывании *критикой чистого разума* Кант имеет в виду *критику практического разума*: «Чистый разум сам по себе есть практический разум и дает (человеку) всеобщий закон, который мы называем *нравственным законом*.» Там же. Т. 3. С. 351. Издание *Логики* в 1800 г. можно расценить как попытку теряющего силы Канта хотя бы с помощью учеников выполнить полностью план по созданию *системы философии чистого разума*, оставив себе завершение *метафизики природы*.
- (53) Полное название книги, в которой изложена практическая философия Канта, *Метафизика нравов* в двух частях. Первая ее часть — *Метафизические начала учения о праве*, вторая — *Метафизические начала учения о добродетели*.
- (54) В *Лекциях* говорится: «Благоразумие... есть сноровка в определении цели, а также и средств для этой цели». *Eine Vorlesung Kants...* S. 5.
- (55) Впервые в печать термин «философия права», никогда не употреблявшийся Кантом, попал в изданной в 1797 г. книге Г. Гуго *Lehrbuch des Naturrecht als einer Philosophie des positive Rechts, besonders des private Rechts*.
- (56) *Кант И.* Двухязычное издание. Т. 1. С. 241. Примечательно, что ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин вообще не дали определения важнейшему, как считалось, для них понятию *практика*, оставив своих начетчиков без соответствующих цитат.
- (57) «...Науку, которая пока только обсуждает чистый разум, его источники и границы мы можем рассматривать как *пропедевтику* к системе чистого разума. Такая пропедевтика должна быть названа не *доктриной*, но *критикой чистого разума*». *Кант И.* Двухязычное издание. Т. 2. Ч. 1. С. 79.
- (58) Предмет его скромных честолюбивых устремлений — в подражание Хр. Вольфу, *догматически* изложить свою *доктрину* (см.: Там же. С. 39) — воплотился лишь в 3-х небольших *Началах*: это — *Метафизические начала естествознания*, *Метафизические начала*

права и *Метафизические начала добродетели*. Два последних *Начала*, как мы знаем, объединились, хотя и не сразу, под общей обложкой с названием *Метафизика нравов*. Большую часть сил и творческой энергии забрала у Канта как раз *пропедевтика* — *критика разума* в трех своих частях.

- (59) *Кант И.* Соч. в 6 т. Т. 4. Ч. 2. С. 125. См. также: *Кант И.* Двухязычное издание. Т. 2. Ч. 1. Т. 4. С. 85—91.
- (60) Например, в обычных для методологов науки выражениях эмпирический и теоретический уровни познания, эмпирическая и теоретическая стадии развития науки и т.п.
- (61) Разумеется, аналоги оппозиции *эмпирическое* — *рациональное* можно найти и в более ранние времена. Но противопоставление *опыта разуму*, интеллекту сложилось не раньше XVII в. причем с трудом и поначалу не очень отчетливо (*рационалист* Декарт постоянно апеллирует к *опыту*, а *эмпирист* Локк — к *естественному разумению*). За рамками методологического вопроса о *началах*, с которых начинается *путь* (methodos) *естественного разума* к истине Декарт и Локк, Спиноза и Кондильяк, Лейбниц и Юм — *рационалисты*, созидающие *век разума* и противостоящие ради него любым формам *иррационализма*.
- (62) На русском языке об этой классификации наук см.: *Фишер К.* История новой философии: Готфрид Вильгельм Лейбниц. М., 2005. С. 620—631, а также статью Г.Г. Майорова ВОЛЬФ // *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983.
- (63) Такие объекты, считал Аристотель, «существуют с необходимостью», не могут быть «такими и иными», о них мы «не принимаем решения». EN 1139 а 20—23. «Никто, — поясняет Аристотель, — не принимает решения о вечном, скажем, о космосе или о несоизмеримости диаметра и стороны квадрата, а также и о том, что изменяясь, изменяется всегда одинаково... (как, например, солнцевороты или восходы)». Там же. 1112 а 22—23.
- (64) Собственно, европейская наука началась с того, что Фалес усомнился в достоверности чувственных восприятий, говорящих нам о камнях, деревьях, воздухе, огне, тогда как на самом деле *все есть вода*, а Демокрит, по легенде, выколол себе глаза, чтобы эмоции, пронизывающие чувственное созерцание, не могли повлиять на бесстрастное умозерцание недоступных изменению *атомов*, о которых только и возможно достоверное, исключаящее всякое сомнение *знание* — ἐπιστήμη (слово, чаще всего переводимое на русский язык как *наука*).
- (65) Словом *теория* обозначалась, в частности, *созерцательная* служба сторожей, главная обязанность которых не практическое действие — поимка воров, но их обнаружение и извещение хозяев. *Теоретиком* (θεωρητικός) у эллинов был и адъютант-вестовой, докладывавший стратегу о ходе боя, но не имевший права вмешиваться в него, и член посольств, не участвовавший в переговорах, но наблюдавший за тем в городе, что могло стать решающим при заключении с ним торгового или военного союза либо объявления войны.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Кассирер Э.* Жизнь и учение Канта. — СПб., 1997.
- [2] *Кант И.* Соч. в 4-х томах на немецком и русском языках. — М., 2006.
- [3] *Кант И.* Из рукописного наследия. — М., 2000.
- [4] *Prauss G.* Kant und das Problem der Dinge an sich. — Bonn, 1974.
- [5] *Мальтер Р.* Введение. К истории возникновения «Основоположения к метафизике нравов» и «Критики практического разума» / Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. — Т. 3. — М., 1997. — С. 7—8.
- [6] *Кант И.* Собр. соч. в 8 т. — Т. 8. — М., 1994.
- [7] *Kant I.* Zur Deutung seiner Theorie von Erkennen und Handeln. Hrsg. v. Gerold Prauss. — Köln, 1973.
- [8] *Hinske N.* Kant als Herausforderung an die Gegenwart. — Freiburg/München, 1980.
- [9] Eine Vorlesung Kants über Ethik. — Herausg. von Paul Menzer, Berlin 1924.
- [10] *Кант И.* Соч. в 6 т. — М., 1966.

I. KANT ON THEORETICAL AND PRACTICAL KNOWLEDGE TYPES

G.V. Boldygin

Department of philosophy
University of Humanities

Studencheskaya str., 19, Ekaterinburg, Russia, 620049

The article is devoted to the research of the concepts of Kant's theoretical and practical knowledge, with contrasting of which began so-called critical period of his work, as well as to cognitive problems behind this contrasting.

Key words: philosophy of Kant, theoretical knowledge, practical knowledge, critical idealism, criticism of pure reason, criticism of practical reason, criticism of judgments capacity, metaphysics of morals, happiness, pragmatic imperatives.